

А. А. ЗАЛИЗНЯК

ДРЕВНЕ-
НОВГОРОДСКИЙ
ДИАЛЕКТ

2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

А. А. ЗАЛИЗНЯК

ДРЕВНЕ-
НОВГОРОДСКИЙ
ДИАЛЕКТ

Второе издание,
переработанное с учетом
материала находок 1995—2003 гг.

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2004

ББК 63.4
З 55

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 03-04-16231

Зализняк А. А.

3 55 Древненовгородский диалект. — 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 872 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-165-9

Книга состоит из двух частей. Первая часть содержит общее описание диалекта древнего Новгорода XI–XV вв., построенное в основном на материале новгородских берестяных грамот. Вторая часть — заново выверенные тексты всех известных к концу 2003 г. берестяных грамот, за исключением совсем маленьких фрагментов. Все удовлетворительно сохранившиеся грамоты снабжены переводом и комментариями. В книгу включен также словоуказатель ко всем берестяным грамотам и обратный индекс к нему.

По сравнению с 1-м изданием 1995 г. объем включенного в книгу материала вырос почти на 30% за счет берестяных грамот, найденных после 1994 г. Учтены также опубликованные за истекшие годы исследования по древненовгородскому диалекту и новые интерпретации ранее найденных грамот.

Книга адресована как специалистам — лингвистам, филологам, историкам, археологам, — так и широкому кругу любознательных читателей, интересующихся языком, историей и культурой древней Руси.

63.4

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства “Языки славянской культуры”, имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

Оптовая и розничная реализация — магазин “Триозис”.

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Zubovskiy 6-p, 17, str. 3, k. 6. (Метро “Парк Культуры”, в здании изд-ва “Прогресс”).

Foreign customers may order this publication by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

ISBN 5-94457-165-9

9 785944 571656 >

© А. А. Зализняк, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание этой книги, вышедшее в 1995 г. (далее: ДНД₁), отражало корпус берестяных грамот, составившийся к концу 1994 г. В течение ряда последующих археологических сезонов этот корпус заметно расширился. К концу 2003 г. он насчитывал уже 1043 грамоты (против 810 в 1994 г.). При этом подавляющее большинство вновь найденных берестяных грамот относится к раннедревнерусскому периоду; таким образом, массив ранних грамот вырос чрезвычайно резко: эти грамоты ныне составляют половину всего корпуса.

Соответственно, в настоящем издании существенно расширен текстовый материал. Пополнен новыми данными также грамматический очерк.

После завершения многолетней работы по палеографии берестяных грамот и их внестратиграфическому датированию (см. НГБ X: 134–429) появилась возможность полнее обосновать и в ряде случаев уточнить датировки многих берестяных грамот. В настоящем издании эти новые данные учтены.

Книга ДНД₁ была принята славистами в целом благожелательно. Из высказанных критических замечаний основная часть относится вообще не к лингвистике, а к вопросу о том, как соотносилось древнее диалектное членение с делением на племена. В связи с этим мы сочли целесообразным в настоящем издании более четко отграничить собственно языковое членение восточнославянской зоны (устанавливаемое достаточно надежно) от гипотетического соотнесения единиц этого членения с древними племенами (для собственно лингвистического описания большого значения не имеющего). С этой целью в тех случаях, когда в ДНД₁ использованы племенные обозначения для диалектов, мы заменяем их на географические.

Термин “стандартный древнерусский язык”, использованный в ДНД₁ в качестве рабочего (т. е. отчасти пробного), как выяснилось, у части читателей ассоциируется с английским словом *standard* ‘нормативный’, ‘образцовый’, ‘классический’ (ср. *standard English* и т. п.), тогда как имелось в виду русское слово *стандартный* ‘обычный’, ‘шаблонный’, ‘лишенный индивидуальности’. Нужно признать, что под влиянием английского языка значение русского слова *стандартный* ныне действительно начинает дрейфовать в сторону английского *standard*. Поэтому во избежание ложных ассоциаций мы предпочитаем в настоящем издании вместо “стандартный древнерусский язык” говорить “наддиалектная форма древнерусского языка” (или просто “наддиалектный древнерусский”).

Во второй половине 1990-х и в начале 2000-х годов круг исследователей берестяных грамот в разных странах мира продолжал расширяться. Развивались теоретические исследования, а также, как и прежде, шла работа (в том числе и наша собственная) по уточнению и корректировке прежних чтений и интерпретаций. В настоящем издании те новшества, которые представляются нам шагом вперед, по возможности учтены.

При подготовке второго издания мы стремились, насколько возможно, сохранить общий характер оформления и внутреннюю организацию первого издания. В частности, мы сохраняем прежнюю нумерацию параграфов грамматического очер-

ка, давая дополнительным параграфам номер с буквой «а». Но во второй части книги в связи с добавлением двух сотен новых грамот и уточнением некоторых прежних датировок пришлось принять новую нумерацию статей.

Приношу сердечную благодарность Марфе Никитичне Толстой, в тесном сотрудничестве с которой проходила вся подготовка этого издания.

Москва, 11 декабря 2003 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ ВВЕДЕНИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящая книга непосредственно связана с многолетней (начиная с 1982 г.) работой автора в составе Новгородской археологической экспедиции, состоявшей в поисках наиболее точного чтения и интерпретации берестяных грамот (как вновь найденных, так и уже опубликованных) и обобщении полученных лингвистических результатов. Эта работа велась в постоянном тесном сотрудничестве с В. Л. Яниным и активно поддерживалась Е. А. Рыбиной, В. И. Поветкиным, П. Г. Гайдуковым и другими членами экспедиции. Ряд лингвистических и текстологических проблем, затрагиваемых в книге, в разное время обсуждался с В. Вермеером, А. А. Гиппиусом, В. А. Дыбо, В. М. Живовым, Вяч. Вс. Ивановым, В. Лефельдтом, Ю. М. Лотманом, С. Л. Николаевым, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским, Р. Факкани, Г. А. Хабургаевым, Е. А. Хелимским. Бесценную помощь в сверке указателей с текстами и других операциях по выверке книги оказала Е. А. Гришина. Компьютерный набор книги, включая операции по пополнению и совершенствованию шрифтов, с исключительной тщательностью и мастерством выполнила М. Н. Толстая. Всем названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Языковая ситуация в древней Новгородской земле

§ 0.1. Новгородская земля в широком смысле включала коренную новгородскую территорию¹, а также Псковскую землю и обширную территорию позднейшей новгородской колонизации на северо-востоке.

При описании языковой ситуации в Новгородской земле XI–XV вв. следует различать не менее пяти славянских идиомов.²

1. Церковнославянский язык. Как и во всей остальной Руси, он выступал здесь в функции церковного и литературного языка.

2. Идиом, который мы будем ниже обозначать как “наддиалектную форму древнерусского языка” или просто как “наддиалектный древнерусский” (в качестве синонима может быть использовано также наименование “стандартный древнерусский язык”, которое было принято в ДНД₁ и в ряде других работ). Эта форма древнерусского языка применялась (хотя бы в некоторых ситуациях) в качестве социально престижной на всей территории древней Руси. Из общих соображений можно предполагать, что она была в большей или меньшей степени ориентирована на столичный, т. е. киевский, говор (но конкретных данных в этом отношении, к сожалению, почти нет). Именно эта форма обычно описывается просто под именем древнерусского языка в исторических курсах. В Новгородской земле данная форма языка употреблялась главным образом при составлении официальных документов — политических (договоры и т. п.) и юридических.

Примерно до конца XIII в. наддиалектная форма древнерусского языка в основном едина для всей древней Руси. С XIV в. на будущей великорусской территории функцию основных представителей данной системы начинают выполнять владимиро-суздальские и московские документы. Соответственно, с точки зрения Новгорода наддиалектная форма древнерусского языка начинает отождествляться в эту эпоху с его московской формой.

Прочие идиомы, представленные в Новгородской земле, носили уже не общерусский, а местный характер.

3. Древнепсковский диалект — совокупность местных говоров Псковской земли (и, вероятно, также смежных с ней частей западных новгородских пятин — Шелонской и Водской).

¹ Для поздней эпохи (после присоединения Новгорода к Московскому государству) известно административное деление этой территории на пятины — Шелонскую, Водскую, Деревскую, Бежецкую и Обонежскую. Это деление в ряде случаев удобно использовать и при разборе явлений, относящихся к более ранней эпохе.

² Мы пользуемся здесь хотя и малоупотребительным, но практически полезным термином “идиом” (см. Марузо 1960: 114) в качестве обобщающего обозначения для языка, диалекта и говора.

4. Совокупность восточноновгородских говоров, т. е. говоров а) коренных новгородских земель к северо-востоку и к востоку от Новгорода, б) территории позднейшей новгородской колонизации на северо-востоке.

5. Диалект самого Новгорода и непосредственно прилегающих к нему районов. Он близко сходен с древнепсковским, но имеет в то же время отдельные черты, совпадающие с восточными говорами.

С возникновением Новгорода и превращением его в политический центр этот диалект, по-видимому, приобрел также функцию койне, т. е. идиома наддиалектного характера, который мог в той или иной мере использоваться на всей территории древненовгородского государства, особенно в городах (см. Зализняк 1988а). Уже имеющиеся компромиссные черты в его структуре облегчали его использование в роли койне, а сама эта роль способствовала дальнейшему развитию таких черт.

Мы будем называть идиом 5 древненовгородским диалектом в узком смысле (о широком смысле см. ниже). Этот же идиом 5 может быть обозначен и как древненовгородское койне — в случаях, где существенна его функция, а не происхождение.

Нам будет постоянно необходимо, кроме того, оперировать с тем единством, которое образуют идиомы 3 и 5. Мы будем обозначать это единство как древний новгородско-псковский диалект. Таким образом, строго говоря, идиомы 3 и 5 должны рассматриваться как поддиалекты этого диалекта. Однако, чтобы не усложнять терминологию, мы позволяем себе не употреблять тяжеловесного термина “поддиалект”, а называть диалектом как новгородско-псковский, так и каждую из двух его ветвей: древненовгородский (в узком смысле) и древнепсковский.

Примечание. В славистической литературе пока еще нет единого устоявшегося обозначения для того, что здесь названо древним новгородско-псковским диалектом. Часть исследователей использует именно это название. В ДНД₁ мы пользовались термином “севернокривичский”. Употребляются также термины (Early) North Russian и North-West Old Russian.

Особую проблему, относящуюся уже не к лингвистике, а к сфере археологии и этногенеза, составляет соотнесение различных восточнославянских идиомов с известными из летописи племенами. В работе Зализняк 1988а была предложена гипотеза о соотнесенности древнепсковского диалекта с кривичами (точнее, с их северной группировкой), а восточноновгородских говоров — с ильменскими словенями. В ДНД₁ использованы основанные на этой гипотезе обозначения диалектов. Необходимо признать, однако, что с этой гипотезой сопряжены две существенные трудности: а) древненовгородский диалект в узком смысле близко сходен с древнепсковским, тогда как летопись называет Новгород городом словен; б) самые своеобразные фонетические и морфологические черты древнепсковского диалекта в южнокривичской (смоленско-полоцкой) зоне отсутствуют. Хотя эти трудности и не представляются нам непреодолимыми, мы все же считаем целесообразным в дальнейшем придерживаться в этом вопросе не племенной, а чисто географической терминологии. Это позволит нам более четко ограничиться в настоящей книге собственно лингвистической проблематикой (где уровень надежности на порядок выше, чем в проблематике этногенеза).

§ 0.2. Специфическое обстоятельство, осложняющее наше описание, состоит в том, что, насколько позволяют судить имеющиеся ныне данные, западные и восточные говоры древней Новгородской земли не являются результатом распада некоего

единого “прановгородского” диалекта. Иначе говоря, западные и восточные говоры Новгородской земли не связаны между собой исключительным родством, т. е. более близким, чем со всеми другими славянскими диалектами. Древний новгородско-псковский диалект очень заметно отличался от наддиалектной формы древнерусского языка (причем наиболее последовательно специфические новгородско-псковские черты были реализованы в древнепсковском диалекте); между тем восточно-новгородские говоры стояли сравнительно близко к наддиалектному древнерусскому. Взаимодействие и сближение западных и восточных говоров Новгородской земли происходило уже как следствие их контакта и сосуществования в рамках единого древненовгородского государства. Этот процесс был принципиально сходен с начальным этапом процессов языковой консолидации в других славянских территориально-политических объединениях. Если бы древненовгородское государство продолжало самостоятельное существование, этот процесс должен был бы привести к формированию особого восточнославянского языка, подобно, например, белорусскому или украинскому. Таким образом, с историко-лингвистической точки зрения, в XI–XV вв. совокупность местных идиомов Новгородской земли (№ 3–5) образовывала пучок диалектов, развитие которого в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т. е. это своего рода “предъязык”, которому не суждено было развиваться дальше этой фазы).

Ниже мы будем обозначать совокупность идиомов 3, 4 и 5 как древненовгородский пучок диалектов или (несколько расширяя обычное значение термина “диалект”) как древненовгородский диалект в широком смысле. Первое наименование уместно там, где существенно происхождение этой совокупности, второе — там, где существенна ее функция в древненовгородском государстве.

Различая древненовгородский диалект в узком и в широком смысле, мы будем, однако, опускать эти уточнения там, где выбор смысла однозначно диктуется контекстом, а также там, где данное противопоставление несущественно.

Здесь необходимо остановиться также еще на одной проблеме общего характера. Слово “диалект” в нормальном случае предполагает вопрос: какого языка? Коль скоро средство общения восточных славян XI–XIV вв. мы именуем древнерусским языком, древненовгородский диалект, разумеется, выступает как диалект древнерусского языка. Следует учитывать, однако, что такие названия, как древнерусский язык, древнечешский язык и т. д., отражают в первую очередь взгляд со стороны современных языков (русского, чешского и т. д.). Самостоятельность современного русского языка несомненна, отсюда кажущаяся очевидность того, что древняя фаза развития того же объекта должна именоваться древнерусским языком. Ситуация выглядит несколько иначе, если взглянуть на нее не из современности, а с позиции людей, например, IX–XI вв. Как уже многократно отмечалось исследователями, языковые различия между всеми славянскими племенами, скажем, в XI в. с чисто синхронической точки зрения не выходят по своему масштабу за рамки междиалектных различий, существующих внутри любого современного языка. Взаимное понимание между всеми славянами в это время еще не составляло особых трудностей. С этой точки зрения мы вправе говорить еще и в XI в. о позднем праславянском языке и его диалектах. Соответственно, древненовгородский диалект этого раннего периода предстает просто как диалект позднего праславянского языка, входящий в группу восточнославянских диалектов. Учитывая двойственный характер описан-

ной ситуации, мы считаем допустимым и практически удобным в дальнейшем говорить просто о древненовгородском диалекте (не уточняя, какого языка, если в этом нет специальной необходимости).

При изучении всех разновидностей славянской речи в древней Руси обнаруживается необходимость подразделить их историю на два периода: ранний и поздний. Лингвистической границей между ними служит процесс падения редуцированных. К раннему периоду относится время до этого процесса и время протекания самого процесса, к позднему — время после его завершения. Судя по данным берестяных грамот, в древненовгородском диалекте (по крайней мере, в узком смысле) данный процесс завершается в 1 четверти XIII в.

Задача и строение работы

§ 0.3. Главная задача настоящей книги — описать древненовгородский диалект (прежде всего в узком смысле) в том виде, как он отразился в берестяных грамотах, т. е. в основном источнике наших нынешних сведений о нем, а также продемонстрировать сами тексты этих грамот, заново выверив их и снабдив лингвистическим комментарием. Поскольку дошедшие до нас берестяные грамоты покрывают большой хронологический интервал (с XI по XV в.), их лингвистическое описание должно отражать также эволюцию изучаемого диалекта на протяжении этого времени. При этом в центре нашего внимания находится первая половина указанного интервала (соответствующая раннедревнерусскому периоду), так как для этой эпохи берестяные грамоты оказываются почти единственным свидетельством живой древнерусской речи.

Сверх указанной главной задачи, имеются также и дополнительные: во-первых, отметить др.-новг. диалектные черты в других новгородских документах, помимо берестяных грамот, — в первую очередь в надписях, пергаменных грамотах и летописи (где эти черты обычно представлены не последовательно, а лишь в качестве отклонений от наддиалектного др.-р. или даже от ц.-сл. языка); во-вторых, сравнить в общих чертах др.-новг. диалект с другими диалектами древней Руси. Но эти дополнительные задачи решаются, в отличие от главной, без всякой претензии на полноту. В частности, материал пергаменных грамот и летописи, хотя он был многосторонне исследован нами, приводится лишь выборочно — в основном по тем пунктам, где он существенным образом дополняет показания берестяных грамот.

Описываются прежде всего реально наблюдаемые факты XI–XV вв. Вопросы предыстории рассматриваемых явлений занимают в настоящей книге второстепенное место; мы касаемся их лишь кратко и далеко не во всех случаях. С другой стороны, в задачу книги не входит последовательный анализ позднейшей эволюции др.-новг. диалекта и его следов в современных говорах (хотя некоторые частные вопросы из этой проблематики при необходимости и обсуждаются).

Таким образом, книга ни в коем случае не должна рассматриваться лишь как своего рода развернутое обоснование тех или иных гипотез о происхождении основных особенностей др.-новг. диалекта и самого этого диалекта в целом. Напротив, собственно фактографическая, констатационная часть описания, являющаяся основной, строится, насколько это возможно, независимо от таких гипотез (во всяком случае, отделена от них) — с тем, чтобы ее ценность определялась только степенью ее точности и полноты, а не возможной дальнейшей судьбой этих гипотез.

Подчеркнем, кроме того, что книга предназначена служить не только сводом лингвистических обобщений, но в не меньшей степени также и сводом самих древненовгородских берестяных документов, выверенных более точно и более критично, чем в их первых изданиях.

Название “Древненовгородский диалект”, выбранное для настоящей книги, следует понимать как сокращенное, вместо “Древненовгородский диалект (в узком и широком смысле)”. При этом, однако, как видно из сказанного выше, основное внимание в настоящей книге уделено древненовгородскому диалекту в узком смысле.

§ 0.4. Книга состоит, если не считать введения и указателей, из двух частей. Часть первая — это основные сведения о фонетике и грамматике др.-новг. диалекта (в первую очередь в узком смысле, но с указанием особенностей, характеризующих др.-новг. диалект в широком смысле). Она названа просто “Грамматический очерк” — в соответствии со старой традицией, позволяющей называть грамматикой некоторого языка описание всех его аспектов (в том числе и фонетики). Часть вторая — тексты с комментариями (о выборе текстов и о характере комментариев см. с. 227–238).

Часть первая делится на главы и далее на параграфы, часть вторая — на разделы (обозначенные буквой — от А до Д) и далее на статьи (обозначенные номером). Таким образом, внутренняя отсылка типа «§ 1.8», «§ 3.27» адресуется читателя к первой части книги, типа «А 7», «Г 40» — ко второй.

Наше описание, как и всякое описание диалекта, сопряжено с той методологической трудностью, что вполне последовательными здесь могут быть только два противоположных крайних решения: 1) полностью автономное описание рассматриваемого идиома, построенное в принципе так же, как описание, скажем, латыни или старославянского; 2) описание одних лишь отличий др.-новг. диалекта от наддиалектного др.-р. языка.

Но при первом решении особенности диалекта потеряются из поля зрения, растворившись в огромной массе фактов, уже известных из описаний наддиалектного др.-р. языка, а при втором решении останутся невыявленными системные отношения внутри диалекта. Отсюда необходимость искать разумный компромисс между этими двумя крайностями. Ниже для разных глав описания приняты, в соответствии со спецификой имеющегося материала, разные степени приближения к решению 1 или 2. Так, описание морфологии стоит довольно близко к решению 1; в прочих главах представлены различные варианты компромисса.

Во всех случаях следует, конечно, учитывать общую ограниченность материала по др.-новг. диалекту. Отсюда неизбежная неполнота грамматических сведений, даже в разделах, построенных в соответствии с решением 1.

На характер изложения в настоящей книге существенным образом влияет то обстоятельство, что значительная часть затрагиваемых тем уже была подробно рассмотрена нами в более ранних работах — в первую очередь Лингв. и Изуч. яз. Это дает нам возможность во многих местах сильно сократить изложение, заменив аргументацию, полемику, длинные списки и т. п. соответствующими отсылками. При этом, однако, мы всё же стремились к тому, чтобы такие отсылки не нарушали связности изложения, т. е. чтобы суть рассматриваемого вопроса была ясна и без обращения к другим работам.

§ 0.5. Укажем также некоторые элементы оформления, принятые в книге.

Используются два способа воспроизведения древнерусского текста:

1. Славянским шрифтом, причем с относительно точной передачей деталей графики. Этот способ используется при воспроизведении полного текста грамот или иных документов (во второй части книги), а также для таблиц.

2. Обычным гражданским шрифтом (с добавлением недостающих букв). Этот способ используется в прочих случаях, в частности, при любом цитировании отдельных слов или фраз. Надстрочные и разделительные знаки при такой передаче опускаются (однако *І* всё же передается как *І*; *і* и *І* передаются одинаково как *і*). Титла (в широком смысле, включающем также знаки выноса) сохраняются там, где под ними нет выносных букв (например, *сѣнь*, *гнѣнь*, *Бѣнь*), но снимаются, если такие буквы есть (например, *гѣнь*, *Бга*). Кириллические цифры заменяются арабскими. В виде надстрочных передаются: а) *т* в составе *ѡ*; б) буквы, данные в оригинале под титлом; в) из прочих надстрочных букв — только такие, где надстрочная запись служит одновременно приемом сокращения (например, *брагм* = *братѣм*, а не *братѣ*). Остальные надписанные (или подписанные) буквы ставятся на свое место в строку. Имена собственные даются с прописной буквы. При цитировании фраз могут использоваться (факультативно — там, где это существенно для выявления смысла) знаки современной пунктуации.

При записи текста (равно как при цитировании слова или фразы) в квадратные скобки заключаются буквы, читающиеся в оригинале неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, т. е. буквы, в оригинале отсутствующие, в фигурные скобки — лишние буквы (написанные по ошибке); подробнее см. с. 232–233. В угловых скобках дается нормализованная, т. е. стандартная, запись (§ 1.7).

В переводах квадратными скобками выделяются слова, не имеющие соответствия в оригинале, круглыми — различные пояснения (подробнее см. с. 234).

Знак *x* заменяет слово “раз”, *|* означает границу строк, *** есть особый вариант знака переноса (см. о нем с. 232). См. также список условных знаков на с. 709.

О способах указания датировок (для грамот и иных документов) см. § 1.5.

При цитировании тех или иных др.-р. текстов не по оригиналу, а по изданию могут быть применены те же приемы упрощения записи, которые указаны выше; техника записи может быть несколько приближена к принятой в настоящей книге; в остальном сохраняются особенности издания.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ДИАЛЕКТА

Глава I

ИСТОЧНИКИ

КАТЕГОРИИ ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИХ ИСТОЧНИКОВ

§ 1.1. Имеющиеся в распоряжении историка русского языка источники для изучения некоторого идиома в некоторый период его истории можно разделить на прямые и косвенные. К прямым источникам относятся тексты, написанные в рассматриваемый период непосредственно на данном идиоме и дошедшие до нас в подлиннике. К косвенным источникам относятся прежде всего: а) позднейшие списки таких текстов; б) аналогичные тексты, созданные в более поздний период; в) тексты, написанные (тогда же или позднее) в основном по нормам другого идиома, но с тем или иным количеством отклонений, отразивших влияние интересующего нас идиома; г) данные современных говоров. Кроме того, косвенными источниками могут служить данные топонимики и ономастики, а также заимствования в соседние языки и диалекты (или из них).

Заметим, впрочем, что границу между прямыми и косвенными источниками не всегда можно провести вполне строго, поскольку она зависит от оценки того, на каком идиоме написан тот или иной документ (ср. пункт «в»), а этот вопрос в некоторых случаях решается неоднозначно.

Для др.-новг. диалекта в узком смысле для раннего периода (XI – нач. XIII в.) прямыми источниками являются:

1. Берестяные грамоты указанного периода из Новгорода и Старой Руссы (за исключением очень немногих, написанных по нормам других идиомов).
2. Несколько коротких надписей на найденных в Новгороде бытовых предметах (пряслицах, гребнях и т. п.). Что касается надписей на стенах церквей и на крестах, то они как правило составлены по ц.-сл. нормам; лишь очень немногие из них могут быть оценены как написанные на диалекте.
3. Первая часть («Варл.») пергаменной Варламовой грамоты 1192–1210 гг.

Все существенные в лингвистическом отношении тексты этих трех категорий включены во вторую часть настоящей книги.

Для позднего периода (XIII–XV вв.) прямыми источниками для этого же идиома являются:

1. Берестяные грамоты указанного периода из Новгорода и Старой Руссы (опять-таки за исключением немногих, написанных по нормам других идиомов).

2. Некоторое число надписей на различных предметах.

3. Некоторая часть оставленных писцами приписок эмоционального или бытового характера, изредка встречающихся на полях церковных книг.

4. К числу прямых источников можно также отнести, хотя и с известной долей условности, небольшое число новгородских пергаменных и бумажных грамот, где диалектные черты явно преобладают над наддиалектными. Таковы, в частности, грамоты ГВНП № 46, 115, 122, 130, 132 (и некоторые другие) и грамоты, опубликованные в работе Хорошкевич 1964. Об основном массиве пергаменных грамот см. ниже.

Во вторую часть настоящей книги включены все существенные в лингвистическом отношении тексты первой из указанных категорий.

Косвенные источники для др.-новг. диалекта в узком смысле (как раннего, так и позднего периода) таковы.

1. Новгородские пергаменные (и бумажные) грамоты XIII–XV вв. Почти все они собраны в ГВНП (сверх ГВНП отметим прежде всего Хрест., № 37, 38, 39, Валк 1956, Корецкий 1958, 1969, Хорошкевич 1964); их хронологию см. в работе: Янин 1991. За исключением немногих, о которых сказано выше, эти грамоты ориентированы на наддиалектные нормы; новгородизмы появляются в них только как отступления (иногда сравнительно частые, иногда совсем редкие) от этих норм.

К этой категории отчасти примыкают также новгородские списки Русской Правды и княжеских уставов (включенные в состав кормчих и различных сборников); см. ПР, Княж. уставы. В данном случае новгородизмы появляются лишь за счет деятельности переписчиков.

2. Новгородские летописи. Все они в значительной мере ориентированы на ц.-сл. нормы (с включением некоторых наддиалектных древнерусских норм); частота использования новгородизмов в разных летописях и разных списках различна, но в среднем она выше, чем в собственно церковных памятниках. Для лингвистического анализа важнейшей является Новгородская I летопись (НПЛ) и прежде всего ее Синодальный список (Синод. НПЛ). Первая часть этого списка, доходящая до событий 1234 г. (Синод.₁ НПЛ), была переписана, как можно предполагать (см. Гимон, Гиппиус 1999), вскоре после указанной даты, вторая, доходящая до событий 1330 г. (Синод.₂ НПЛ), — около 1330 г.

Для изучения Синод. НПЛ большое значение имеют достижения А. А. Гиппиуса (1992, 1996б), который показал, что, во-первых, текст Синод.₁ НПЛ переписан одним почерком (а не двумя, как традиционно считалось), во-вторых, его переписчик довольно точно копировал оригинал, благодаря чему этот текст может быть разделен на отрезки, соответствующие деятельности отдельных летописцев. Эти летописцы различались между собой, помимо прочего, по частоте использования новгородизмов.

3. Новгородские церковные памятники XI–XV вв. Их язык — церковнославянский (с элементами наддиалектного древнерусского); но обычно имеется также хотя бы небольшое число отклонений под влиянием родного диалекта писца. Количество таких отклонений заметно варьирует в зависимости от того, является ли текст традиционным или составлен в Новгороде, от содержания текста, от квалификации писца и т. д.

Особое место занимает “Вопрошание Кириково” — религиозно-этический трактат, составленный в 1130–56 гг. новгородским летописцем и математиком Кириком (см. Вопр. Кирик. и Смирнов 1912). Он дошел до нас лишь в списках, древнейший из которых содержится в новгородской кормчей 1280-х гг. Его первоначальный текст несомненно был весьма насыщен новгородизмами, и несмотря на то, что позднейшие переписчики большую часть из них устранили, этот трактат имеет большое значение для исследования др.-новг. диалекта.

Как правило, ближе к живой речи, чем основной текст памятника, стоят записи писцов и в особенности приписки на полях (из числа последних некоторые могут даже квалифицироваться как прямые источники для изучения др.-новг. диалекта, см. выше).

К категории церковных памятников, помимо рукописей, относятся также (за очень небольшим числом исключений) надписи на стенах церквей и на крестах.

4. Связанные с Новгородом письма, юридические документы и рукописные книги более позднего периода (XVI–XVIII вв.). Следует учитывать, однако, что большинство этих источников отражает уже не новгородские, а иные (прежде всего московские) нормы; следы древнейших новгородских особенностей отыскиваются в таких источниках обычно лишь с трудом.

5. Современные говоры. Этот важный источник пока еще недостаточно помогает исследователю др.-новг. диалекта — как потому, что никакие современные говоры нельзя считать его прямыми и несмешанными продолжениями, так и из-за того, что подавляющее большинство имеющихся диалектологических исследований нацелено на явления более позднего происхождения.

6. Данные топонимики и ономастики. В распоряжении исследователей имеется обширный фонд др.-новг. топонимов и антропонимов, представленный прежде всего материалами новгородских писцовых книг (НПК) конца XV в. и XVI в., а также материалами летописей и других ранних источников. Имеют существенное лингвистическое значение также данные современной топонимики прежней новгородской территории.

7. Определенную лингвистическую информацию могут заключать в себе заимствования из др.-новг. диалекта в соседние языки (прежде всего финно-угорские), а также заимствования противоположного направления.

§ 1.2. Изучение др.-новг. диалекта в широком смысле (= др.-новг. пучка диалектов) практически означает изучение тех его черт, которые отсутствуют в др.-новг. диалекте в узком смысле. Иначе говоря, речь идет о специфических особенностях, с одной стороны, древнепсковского диалекта, с другой — восточноновгородских говоров.

К сожалению, материал для такого изучения гораздо беднее, чем материал по др.-новг. диалекту в узком смысле. Главный недостаток состоит в том, что для раннего периода в данном случае прямых источников нет вообще.

Для древнепсковского диалекта ситуация такова.

Прямыми источниками для позднего периода (XIII–XV вв.) здесь являются:

1. Псковские берестяные грамоты № 4, 6, 7 (остальные берестяные грамоты — это совсем маленькие фрагменты, не дающие лингвистической информации).

2. Несколько приписок на полях церковных книг.

Косвенные источники здесь носят в основном такой же характер, как для Новгорода (поэтому комментарии мы не повторяем):

1. Псковские пергаменные грамоты XIV–XV вв. К сожалению, из подлинных грамот этого времени сохранились только: грамота о выдаче Нездильца (Хрест., № 35, нач. XIV в.); грамота о выдаче имущества Никона (Валк 1956, № 1, 1418–19 гг.; см. Д 41); завещание Акилины (Мар., № 33, 1417–21 гг.); жалоба на рижанина Иволта (Хрест., № 42, 1463–65 гг.). Прочие грамоты известны лишь в поздних списках (см. ГВНП, Мар. и Корещкий 1969).

Некоторые псковские черты имеются также в грамоте рижан около 1300 г. (Напьерский, № 49). Напротив, рядная Тешаты с Якимом (Хрест., № 20, 1266–99 гг.), нередко относимая к числу псковских, никаких псковских черт не имеет (вероятно, она отражает полоцкий диалект).

2. Псковские летописи. Их насыщенность диалектными чертами в целом довольно велика.

3. Псковские церковные памятники XIII–XV вв. (более ранние памятники заведомо псковского происхождения неизвестны).

4. Связанные с Псковом письма, юридические документы и рукописные книги более позднего периода.

Особое место занимает русско-немецкий разговорник Т. Фенне 1607 г. — бесценный источник сведений о живом языке Пскова начала XVII в. (см. Фенне).

5. Современные псковские, а также гдовские и отчасти прионежские говоры. Значение этих говоров для восстановления истории др.-пск. диалекта очень велико: многие из них сохраняют большое количество архаизмов.

6. Данные псковской топонимики и ономастики — древней и современной.

7. Заимствования из др.-пск. диалекта в соседние языки и диалекты и наоборот.

8. Сверх этих косвенных источников, вполне параллельных новгородским, можно указать еще один: небольшое число берестяных грамот из Новгорода, обнаруживающих отдельные псковизмы, т. е. черты, в целом не свойственные др.-новг. диалекту в узком смысле, но известные в псковских памятниках — прежде всего шоканье (§ 2.14). Некоторые из таких грамот (например, № 682, 717, 735, Свинц. 1) относятся к ранне-др.-р. периоду и тем самым оказываются более ранними свидетельствами существования соответствующих псковских диалектных явлений, чем собственно псковские памятники.

Для восточноновгородских говоров материал еще более ограничен. Прямых источников здесь до недавнего времени практически не было — не только для раннего периода, но и для XIII–XV вв. С находкой первых берестяных грамот в Торжке открылась перспектива частичного восполнения этого пробела в будущем. Но пока еще объем материала в имеющихся новоторжских берестяных грамотах (XII в.) недостаточен для того, чтобы отличить местные черты от общеновгородских. Одна из этих грамот (Торж. 10) обнаруживает восточные черты, но вполне возможно, что она написана не новоторжцем, а жителем ростово-суздальской зоны.

Косвенные источники — тех же типов, что перечислены выше, но заметно беднее. Так, пергаменные грамоты двинского, вологодского, белозерского, устюжского и других северо-восточных регионов известны лишь начиная с рубежа XIV–XV вв. При этом вычленение диалектных элементов здесь весьма затруднено: в двинских грамотах сильно влияние др.-новг. койне, прочие грамоты во многом отражают московские канцелярские нормы. Диалектно окрашенных летописей, подобных псковским, здесь нет.

В этой ситуации большое значение приобретают показания более поздних памятников и в особенности данные современных говоров соответствующих территорий.

Весьма важны также показания тех немногих берестяных грамот из Новгорода, где выступают отдельные черты, несвойственные др.-новг. диалекту в узком смысле, но сходные с современными северо-восточными говорами (см. об этих грамотах Зализняк 1988а: 74).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Корпус берестяных грамот

§ 1.3. Поскольку основной тип древнерусских письменных источников, изучаемых в настоящей книге, — это берестяные грамоты, т. е. записи на кусках березовой коры, рассмотрим коротко общие особенности этой категории документов.

Первые берестяные грамоты были найдены в 1951 г., в ходе археологических раскопок в Новгороде. С тех пор ежегодно из почвы Новгорода археологи извлекают всё новые и новые грамоты, и аналогичные находки имеются уже в одиннадцати других древнерусских городах. К концу 2003 г. корпус берестяных грамот имел следующий состав: Новгород — 950¹, Новгородское (“Рюриково”) Городище — 1, Старая Русса — 38, Торжок — 19, Псков — 8, Смоленск — 15, Витебск — 1, Мстиславль — 1, Тверь — 5, Москва — 1, Старая Рязань — 1, Звенигород Галицкий — 3. Общая длина этих 1043 грамот — около 15300 словоупотреблений; общий объем словаря — более 3200 лексических единиц.

В настоящей книге берестяные грамоты из Новгорода обозначаются просто номером; при этом знак № может опускаться. Так, запись типа *хододость* 752 означает, что данная словоформа цитируется из новгородской берестяной грамоты № 752. Для берестяных грамот из других городов перед номером ставится символ города: Город., Ст. Р., Торж., Пск., Смол., Вит., Мст., Твер., Мос., Ряз., Звен.

Как можно видеть, подавляющее большинство ныне известных берестяных грамот найдено в Новгороде. Представим несколько подробнее топографию находок внутри города. Археологические раскопы в Новгороде, на которых были найдены берестяные грамоты, таковы (в порядке ведения работ).

Неревский — в Неревском конце, к северу от кремля. Работы велись в 1951–62 гг. Древние улицы: Великая, Холопья, Козмодемьяна. Усадьбы от А до К. 398 берестяных грамот (первая из них — № 1, последняя — № 412).

Ильинский — в Славенском конце, западнее Знаменского собора, близ древней Ильиной улицы (1962–67 гг.). 21 грамота (№ 413–415, 417–428, 430–435).

Бояновский — к северу от Ярославова дворища (1967 г.). Древняя улица: Бояня. 9 грамот (№ 436–444).

¹ Здесь и в прочих случаях в настоящей книге в подсчет включен также берестяной документ № 915-И.

Тихвинский — близ Неревского раскопа, к западу от него (1969 г.). 17 грамот (№ 446–462).

Михайловский — к юго-востоку от Ярославова дворища (1970 г.). Древняя улица: Михайлова. 25 грамот (№ 464–487, 494).

Готский — к югу от Ярославова дворища, на древнем Готском дворе (1968–70 гг.). 1 грамота (№ 488).

Торговый — на территории древнего Торга (1971 г.). 4 грамоты (№ 489–492).

Рогатицкий — к северо-востоку от Ярославова дворища (1971 г.). 1 грамота (№ 493).

Славенский — в Славенском конце, к востоку от Ярославова дворища (1971–74 гг.). 10 грамот (№ 495–500, 509, 516–518).

Троицкий — в Людином конце, к югу от кремля, близ церкви св. Троицы. Работы продолжаются с 1973 г. Древние улицы: Пробойная, Черницына, Ярышева. Усадьбы от А до Т. 383 грамоты (к концу 2003 г.; первая — № 501).

Козмодемьянский — в Неревском конце, близ древней Козмодемьянской улицы (1974 г.). 5 грамот (№ 510–513, 515).

Дмитриевский — в северной части Неревского конца. (1976 г.). 7 грамот (№ 532, 534–539).

Дубошин — в Славенском конце, близ древнего Дубошина переулка (1977–78 гг.). 6 грамот (№ 540, 543, 563–565, 571).

Нутный — в Славенском конце (1979–82 гг.). Древняя улица: Нутная. 12 грамот (№ 576–580, 582, 583, 587, 590, 591, 593, 610).

Михаилоархангельский — на Софийской стороне, близ церкви Михаила-архангела на Прусской улице (1990–91 гг.). 5 грамот (№ 715, 718, 719, 723, 724).

Федоровский — на Торговой стороне, к югу от церкви Федора Стратилата (1991–97 гг.). 5 грамот (№ 744, 749–751, 789).

Лукинский — на Торговой стороне, к северу от церкви Спаса Преображения на Ильине улице, близ церкви св. Луки (1993 г.). Древняя улица: Лубяница. 3 грамоты (№ 746–748).

Кремлевский — в новгородском кремле (Детинце) (1995–96 гг.). 3 грамоты (№ 756, 762, 764).

Никитинский — на Торговой стороне, к западу от церкви Никиты-мученика (2002–03 гг.). 11 грамот (№ 928, 930–933, 937–939, 942, 948, 949).

Новгородские берестяные грамоты, не вошедшие в этот перечень, найдены не в ходе раскопок, а при различных случайных обстоятельствах.

Внешний вид, нумерация

§ 1.4. Берестяная грамота, если она дошла до нас в целом виде, внешне представляет собой продолговатый лист бересты, обычно обрезанный по краям. Размеры листа могут варьировать очень сильно, но большинство экземпляров укладывается в рамки: 15–40 см в длину, 2–8 см в ширину. Однако реально лишь около четверти берестяных грамот сохраняется в целости; остальные доходят до нас с утратами — от небольших до столь значительных, что от первоначального документа остается лишь крошечный фрагмент. В части случаев утраты связаны с тем, что береста горела, растрескивалась, выкрашивалась и т. п. Но все же чаще всего грамоты бывают порваны (или разрезаны) рукой человека: адресат уничтожал таким способом ненужное ему более письмо, не желая, чтобы его могли прочесть посторонние.

Буквы выдавливались (выцарапывались) на бересте острием специально предназначенного для этой цели металлического или костяного инструмента — писала (стилоса). Лишь две грамоты (№ 13 и 496) написаны чернилами.

Большинство грамот написано на внутренней (т. е. обращенной к стволу), более темной, стороне берестяного листа и лишь немногие — на внешней (поскольку внешняя сторона бересты менее удобна для письма: она шелушится, она жестче, ее свободные концы закручиваются вверх, мешая писалу). Небольшая часть грамот содержит текст на обеих сторонах листа; в таких грамотах начало текста в большей части случаев находится на внутренней стороне.

По ряду причин единица нумерации не всегда соответствует отдельному первоначальному документу. Единичной нумерации является отдельная находка — как целый берестяной лист, так и фрагмент. Лишь в том случае, если в течение одного и того же археологического сезона найдено несколько фрагментов, которые очевидным образом являются частями единого первоначального листа, они получают единый номер. Но части одного и того же берестяного листа могут быть найдены и с интервалом в несколько лет (см., например, А 7); кроме того, сам факт такого единства может быть установлен далеко не сразу. Грамота, сложенная из таких фрагментов, получает составной номер, например: 259/265, 275/266, 494/469, 607/562, 662/684, 877/572 (части составного номера ставятся в порядке следования текста).

Следует учитывать также, что относительно длинные документы могли записываться на двух или более берестяных листах. Несколько таких документов дошло до нас. Они обозначаются тем же способом, например: 519/520, 698/699.

С другой стороны, изредка на одном берестяном листе содержится два текста, написанных разными лицами, например, на одной стороне листа — письмо, на другой — ответ на него (как в № 736, см. А 19). В этих случаях мы имеем дело — по крайней мере, с лингвистической точки зрения — с двумя разными документами. Для их различения применяются буквенные индексы, например, 736а и 736б.

Таким образом, слово “грамота” употребляется, строго говоря, в двух несколько различных смыслах: а) то же, что единица нумерации (т. е., всякая находка, получившая отдельный номер); б) отдельный первоначальный документ (независимо от того, на каком числе листов он был написан и в каком количестве фрагментов дошел до нас). При втором типе словоупотребления частным случаем грамоты являются также, например, 607/562, 519/520, 736б. Избежать этого двойственного словоупотребления довольно трудно: в одних случаях (например, при первоначальной публикации грамот, при анализе статистики находок и т. п.) естествен первый тип словоупотребления, в других (например, при лингвистическом анализе, при изучении содержания грамот) — второй. Какой из двух смыслов имеется в виду, как правило, достаточно легко установить из контекста.

З а м е ч а н и е. При цитировании словоформ ссылка на грамоту обычно содержит простой номер (не двойной), например, *Жизнобауде 607* (что соответствует первому смыслу слова “грамота”); это облегчает поиск словоформы в тексте. Двойной номер дается лишь в том случае, когда стык фрагментов проходит внутри данной словоформы, например, *верешь 275/266*.

Совокупность грамот, написанных одним и тем же почерком, ниже называется блоком. Для обозначения блоков (кроме записываемых с косой чертой, типа 259/265) используется знак +, например: «блок № 19+122+129» (знак № факультативен). В качестве сокращения допускается также запись типа «блок № 19», «блок № 259» (или «блок 19», «блок 259»).

Датирование

§ 1.5. Датирование берестяных грамот представляет собой комплексную проблему: учитывается несколько разных аспектов документа.

Основную роль играет стратиграфическое датирование, т. е. датирование средствами археологии того слоя, в котором залегала грамота. Оно складывается из ряда элементов, главным из которых в условиях Новгорода является дендрохронология, т. е. определение даты рубки деревьев, использованных для строительства мостовых и прочих деревянных сооружений. Не вдаваясь в суть данной проблематики, отметим лишь то, что прямо касается нашей работы. В максимально благоприятных случаях (например, когда грамота лежит прямо на мостовой между двумя точно датированными настилами) точность ее датирования может достигать 10–15 лет. Чем дальше от мостовых лежит грамота, тем эта точность меньше — скажем, до 30, 40, 50, 60 лет. Чрезмерная (хотя и легко объяснимая) эйфория начального периода новгородской дендрохронологии, когда грамотам давались жесткие датировки типа «1282–1299», «1340–1368», ныне преодолена. В то же время продолжают поиски методов более точного датирования находок, удаленных от мостовых.

Следует учитывать также специфику самой стратиграфической датировки: в подавляющем большинстве случаев истинная дата попадания берестяной грамоты в землю действительно находится в рамках этой датировки; но в отдельных случаях (к счастью, редких) всё же возможны не поддающиеся учету случайные перемещения бересты в более глубокий или в менее глубокий слой, которые искажают истинную картину.

Еще одна проблема состоит в том, что грамота могла в некоторых случаях быть выброшена не сразу, а какое-то время храниться в доме. Но роль этого фактора для датирования, по-видимому, в целом незначительна — потому что, во-первых, по самому своему содержанию берестяные грамоты почти никогда не требовали хранения, во-вторых, берестяная грамота, хранившаяся в доме, сгорала в первом же пожаре, т. е. сравнительно скоро (по меркам наших хронологических оценок).

Итак, стратиграфическая оценка служит ценнейшим и незаменимым средством датирования берестяных грамот; но важное значение имеет также и дополнительный контроль этой оценки с помощью внестратиграфических (т. е. всех прочих) средств датирования, пригодных для рассматриваемого документа.

В вышедшем в 2000 г. X томе НГБ содержится обширный раздел “Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование”. К нему мы и отсылаем читателя за всеми подробностями, а здесь ограничимся лишь самыми общими сведениями.

Главным средством внестратиграфического датирования служит палеография. Как уже давно установлено, палеография документов на бересте имеет ряд отличий от палеографии пергаменных рукописей. Ныне в нашем распоряжении имеется уже достаточно полный свод данных по палеографии берестяных грамот. Эти данные позволяют в большинстве случаев датировать новонайденную грамоту (если только она не слишком мала) с точностью примерно до 100 лет, при благоприятных обстоятельствах — до 40–60 лет.

Помимо собственно палеографии, датирующим средством служит также графика (т. е. сам инвентарь используемых писцом букв и основные принципы их применения); см. § 1.7–12. При благоприятных обстоятельствах графический анализ дает почти такую же степень хронологической точности, как и палеографический.

Следующее средство датирования — анализ языковых особенностей текста, имеющих значение для хронологии. Правда, данное средство может использоваться лишь с большой осторожностью и только на основании показаний других берестяных грамот, но не памятников книжной письменности (поскольку время первой фиксации некоторого явления в этих двух родах письменности может сильно различаться).

Хронологическое значение имеет также характер этикетных формул, используемых в берестяных письмах (см. § 1.16).

Наконец, исключительно важное значение для контроля датировок, полученных всеми перечисленными средствами, имеет упоминание в грамоте людей, которые отождествляются с историческими лицами, известными из летописи. В настоящее время примерно для 25 персонажей, фигурирующих в общей сложности примерно в 80 берестяных грамотах, такое отождествление с нашей точки зрения надежно. Самое впечатляющее из этих достижений — обнаружение в грамотах конца XIII – сер. XV вв. из Неревского раскопа представителей целых шести поколений знаменитого боярского рода Мишиничей (см. В 36). Кроме того, в берестяных грамотах имеется еще несколько десятков персонажей, отождествление которых с историческими лицами представляется достаточно вероятным.

Весьма существенно также, что берестяные грамоты, найденные на одном раскопе (или соседних раскопах), могут быть связаны между собой различными связями — с одной стороны, принадлежностью к одному и тому же слою, с другой — упоминанием одних и тех же лиц (не обязательно исторических). Благодаря этому надежная датировка одной грамоты часто оказывается важным основанием для уточнения датировок нескольких других грамот, так или иначе с ней связанных.

Совокупность всех перечисленных средств датирования позволяет датировать подавляющее большинство берестяных грамот с точностью до 20–50 лет, в особо благоприятных случаях — несколько точнее, в особо неблагоприятных (к счастью, довольно редких) — с точностью до века. Для лингвистических целей датирование с точностью до 20–50 лет как правило вполне достаточно, поскольку этот интервал меньше, чем срок протекания любого, даже относительно быстрого, диахронического процесса в языке. Напомним, что в пределах обычного срока человеческой жизни даже рукописи, датированные конкретным годом, не обязательно отражают этапы развития языка в точном соответствии с порядком их дат: языковые (равно как палеографические и т. п.) особенности, например, у 70-летнего писца, пишущего в 1170 г., практически те же, что в его юности, т. е. они архаичнее, чем у 20-летнего, пишущего в 1150 г.

Дошедшие до нас древнерусские берестяные грамоты относятся к эпохе с XI по XV в.; конкретнее см. во второй части настоящей книги.

При указании датировок (как для берестяных грамот, так и для иных документов) ниже может быть использована сокращенная запись: римская цифра сама по себе означает век (например, XI), подстрочные цифры 1 и 2 — его первую и вторую половину (например, XI₁, XIV₁); рубеж веков обозначается косой чертой (например, XI/XII). Запись типа «1300-е гг.» обозначает первое десятилетие века. При рассмотрении вопросов, не требующих полной хронологической точности, датировки берестяных грамот (и других документов) обычно даются с некоторым огрублением. При этом масштаб огрубления может зависеть от степени детальности анализа; соответственно, одна и та же грамота может в разных контекстах получить, например, такие хронологические пометы: XIV, XIV₂, 3 четв. XIV, 60-е гг. XIV.

Содержание, специфические трудности изучения

§ 1.6. Подавляющее большинство берестяных грамот написаны по-древнерусски, небольшое число — по-церковнославянски (см. ниже). Имеется также несколько грамот, написанных на неславянских языках: 292 (прибалтийско-финская), 488 (латинская), 552 (греческая), 753 (нижненемецкая); в настоящей книге они не рассматриваются.

Берестяные грамоты как правило очень кратки. Самые длинные грамоты — № 519/520 и № 531 — насчитывают соответственно 176 и 166 слов. Но чаще всего грамоты гораздо короче: большинство полностью сохранившихся грамот не длиннее 20 слов, лишь немногие из них длиннее 50 слов.

Безусловное большинство берестяных грамот — это частные письма. Они посвящены самым разнообразным делам текущей жизни — хозяйственным, семейным, денежным, торговым и т. д. К категории частных писем тесно примыкают также челобитные (XIV–XV вв.) феодалу от крестьян.

Заметную группу составляют различные реестры (в основном долговые списки и росписи денежных или натуральных поставок). Они могли быть сделаны на память для себя; но могли также служить и письменными распоряжениями о том, чтобы взять указанные долги, т. е. играть ту же роль, что аналогичные документы, начинающиеся словом 'возьми'. Иначе говоря, граница между этой группой документов и собственно письмами не вполне строгая.

Имеется около двух десятков ярлычков, содержащих лишь имя владельца. Их функция пока еще остается предметом дискуссии.

В своей совокупности эти три категории составляют подавляющую часть всего массива берестяных грамот. Грамоты этих категорий (за исключением нескольких писем, выдержанных в книжном стиле) можно условно обозначить как "бытовые". В абсолютном большинстве случаев они написаны на диалекте. В целом они стоят ближе к живой древнерусской речи, чем любые другие ныне известные письменные источники.

Остальная (весьма небольшая) часть берестяных грамот складывается из следующих категорий:

а) официальные документы (или их черновики) — завещания, рядные, расписки, протоколы и т. п.;

б) учебные — азбуки, перечни цифр, склады, упражнения;

в) литературные и фольклорные — отрывки литературных сочинений (№ 893 и Торж. 17), загадка (№ 10), школьная шутка (№ 46), заговоры (№ 521, 715, 734, 930; сюда же можно отнести № 674);

г) церковные — литургические тексты, обрывки молитв и поучений, а также списки имен, представляющие собой заказы на иконы или церковные поминания.

С точки зрения языка документы группы «а» в большинстве случаев ориентированы на наддиалектные др.-р. нормы (но содержат и диалектизмы); лишь несколько таких документов написано просто на диалекте.

Церковные тексты (а также заговоры № 715, 734, 930, 674) написаны в одних случаях на чистом ц.-сл. языке, в других — на смешанном. Берестяные документы этой категории используются в настоящей книге лишь в ограниченной степени; во второй части книги они приводятся только в качестве приложений.

Следует учитывать, что палеографическое, филологическое и лингвистическое изучение берестяных грамот обычно бывает сопряжено со специфическими трудно-

стями, нехарактерными для традиционных др.-р. источников. Эти трудности определяются целым рядом причин, в частности: в большинстве грамот текст частично оборван; идентификация букв в тексте грамоты иногда бывает очень трудна и не вполне надежна, особенно если сохранность бересты плохая; грамоты нередко столь кратки, что при анализе нет возможности опереться на контекст; в языковом отношении берестяные грамоты таят в себе много неожиданностей, при разгадке которых материал традиционных источников иногда не столько помогает, сколько вводит в заблуждение.

В этой ситуации нет ничего удивительного в том, что первоначальное прочтение и интерпретация грамоты редко оказываются окончательными. Позднейшее дополнительное изучение грамоты (по оригиналу, по фотографии или даже по прориси) может давать поправки всех уровней — от идентификации букв и словосложения до синтаксической структуры и перевода. Очень помогают в этой работе новые находки: они часто проливают дополнительный свет на трудные места в ранее найденных грамотах. Настоящая книга, в которой учтено очень большое количество поправок, сделанных многочисленными исследователями, отражает, таким образом, гораздо более продвинутую стадию в изучении берестяных грамот, чем их первоначальные публикации. Столь же ясно, однако, что и этот этап — не окончательный, т. е. какие-то коррективы будут появляться и в дальнейшем.

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ, ОТРАЗИВШИЕСЯ В ДРЕВНЕОНОВГОРОДСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Книжная и бытовая графические системы

§ 1.7. При анализе берестяных грамот и других др.-новг. источников следует различать две основные графические системы: книжную и некнижную, или бытовую.² Каждая из них представлена несколькими разновидностями, которые мы будем называть частными системами (позволяя себе в ясных случаях слово “частная” опускать). Разновидностей книжной системы сравнительно мало, некнижной — довольно много.

Специально отметим, что наименование “бытовая” имеет в виду характер преимущественного употребления соответствующей системы в XII–XV вв. (не ее происхождение). При этом, однако, слово “бытовой” лишь довольно приблизительно очерчивает основную сферу употребления данной системы, поскольку эта сфера реально включает не только частную переписку по вопросам повседневной жизни и записи для собственного пользования, но и юридические документы (обычно касающиеся частных лиц, но иногда и государственные), а также различные надписи (не только на бытовых предметах, но и на стенах церквей и на иконах). Но более точные наименования были бы слишком громоздкими для практического употребления в качестве термина.

Вопросу о графических системах берестяных грамот посвящены §§ 5–24 работы Лингв. и статья Зализняк 2002. К этим работам мы и отсылаем читателя за всеми деталями, а здесь ограничимся пересказом принципиальных положений, без учета которых адекватная интерпретация материала берестяных грамот невозможна.

² В отличие от ДНД, мы предпочитаем теперь говорить о бытовой графической системе (в ед. числе), а не о бытовых системах (во множ. числе); см. Зализняк 2002, § 17.

Наиболее удобная схема описания древнерусских графических систем такова. Для каждого из двух периодов — раннедревнерусского и позднедревнерусского — одна частная графическая система рассматривается как стандартная, а все прочие частные системы описываются через их отличия от стандартной. В качестве стандартной системы естественно принять наиболее распространенную в соответствующий период разновидность книжной системы (лишь в одном пункте мы несколько отступили от этого принципа, чтобы избежать излишних сложностей: за стандартную форму передачи фонемы /у/ для всех периодов принято у, тогда как в памятниках оно реально преобладает лишь в поздний период, а в ранний период гораздо чаще выступает оу).

Не рассматривая эти системы в полном объеме, выделим лишь тот их фрагмент, который связан с употреблением букв ъ, ь, о, е, к, и.

В стандартной раннедревнерусской графической системе переход от этих букв к фонемам таков: ъ — /ъ/, ь — /ь/, о — /о/, е — /е/, к — /к/, и — /и/ (после согласной буквы), /ји/ или /ьи/ (после гласной буквы, в т. ч. ъ, ь, или в начале слова; простых правил выбора между /ји/ и /ьи/ нет). При переходе от фонем к буквам действуют эти же соотношения; никакими иными способами указанные фонемы и фонемные сочетания не передаются.

В стандартной позднедревнерусской графической системе переход от букв к фонемам таков: о — /о/ или /Ѡ/ (т. е. о открытое или о закрытое; простых правил выбора между ними нет); е — /е/, к — /к/; и — /и/ (после согласной буквы), /ји/ или /ьи/ (после гласной буквы, букв ъ, ь и в начале слова; простых правил распределения нет). При обратном переходе действуют те же соотношения (с той оговоркой, что /и/ передается через и только если это /и/ стоит перед согласной фонемой или в конце словоформы). Буквы ъ и ь обозначают (соответственно) только твердость или мягкость предшествующей согласной; они применяются с этой целью в конце словоформы и там, где за согласной на фонемном уровне следует /и/. Буква ѣ (реже ѣ) факультативно применяется также внутри группы согласных.

Буква ѣ в обеих системах передавала фонему /ѣ/ (а после гласной буквы или в начале слова — /ѣѣ/).

Отличие некоторой частной графической системы *S* от стандартной системы (того же периода) состоит в ином способе употребления одной или нескольких букв. Возможны следующие типовые случаи: 1) вместо некоторой буквы a_1 , требуемой при стандартной системе, в частной системе *S* регулярно употребляется другая буква (a_2); условная запись: $a_1 \rightarrow a_2$; 2) то же, но нерегулярно; запись: $a_1 \rightarrow a_1/a_2$ (или $a_1 \rightarrow a_2/a_1$, если a_2 выступает чаще); 3) в системе *S* две разные буквы стандартной системы взаимозаменяемы, т. е. выступают как графические дублиеты; запись: $a_1 = a_2$ (или, что то же, $a_2 = a_1$). Указанные явления могут быть названы “графическими эффектами” (слово “графический” в недвусмысленных контекстах опускается). Как условное обобщающее название для всех видов графических эффектов, которые могут связывать a_1 и a_2 , используется термин “смешение a_1 и a_2 ”. Подробнее о природе графических эффектов см. Лингв., § 6.

При цитировании написаний с теми или иными графическими эффектами может понадобиться указание того, какому стандартному написанию это соответствует. Для этой цели мы используем угловые скобки, например: *кѣне* (конь), *водае* (вода). В угловых скобках может быть приведена не вся словоформа, а только нужная ее часть, например: *возмете* (-ть), т. е. (возметь). В случае, когда подлиннику

запись приводить нет необходимости, то же самое может быть представлено так: *возметъ*); аналогично, например, *с(е)ло*, *в(ѣ)сть*, *у(ч)ини* вместо *сьло*, *вѣсть*, *уцини*.

Следует в принципе различать графические эффекты, реально отмеченные в конкретном документе, и графические эффекты, характеризующие саму частную систему данного писца. Чтобы полностью выявить последние, необходим значительный объем текста. Короткого документа, скажем, единичной берестяной грамоты, для этого как правило недостаточно. Например, наблюдаемый в некоторой грамоте эффект $\bar{ь} \rightarrow \bar{ь}o$ вполне может возникнуть и при наличии в частной системе писца более общего эффекта $\bar{ь} = o$ (если примеров замены *o* на $\bar{ь}$ из-за краткости текста случайно не встретилось).

Наблюдения над совокупностями грамот, написанных одной и той же рукой, показывают, что наиболее существенной характеристикой системы является сам факт эквивалентности двух букв, скажем, $\bar{ь}$ и *o*, тогда как разновидности ее реализации ($\bar{ь} = o$, $\bar{ь} \rightarrow \bar{ь}o$ и даже $\bar{ь} \rightarrow o$) не столь устойчивы, нередко они варьируют у одного и того же пишущего.

В принципе необходимо также различать систематическое смешение (некоторых двух букв) и редкое смешение, т. е. отдельные случаи замен на фоне господствующего стандартного распределения этих букв. К сожалению, это различие легко провести лишь для длинных текстов, скажем, для целых рукописей; для берестяных грамот из-за их краткости решение данного вопроса часто оказывается ненадежным.

Специально подчеркнем, что бытовую графическую систему никоим образом нельзя отождествлять с малограмотностью: это именно особая система, использовавшаяся в иных социальных ситуациях, чем книжная система (подробнее см. Зализняк 2002, § 5–9). Неверно также, что тексты, записанные по бытовой системе, писались небрежно. Берестяные грамоты, за исключением совсем немногих, написаны тщательно, описки встречаются в них не чаще, чем в рядовых памятниках книжной письменности³; большинство их написано — с точки зрения использованной в них графической системы — вообще безупречно, т. е. без единой ошибки.

Бытовая графическая система отличается от книжной наличием хотя бы одного из следующих явлений: 1) смешение $\bar{ь}$ с *o*; 2) смешение $\bar{ь}$ с *e*; 3) смешение $\bar{ь}$ с *e* (и его эквивалентами) и/или с *и*. Кроме того, новгородская бытовая графическая система характеризуется наличием систематического смешения $\bar{ц}$ с $\bar{ч}$, тогда как в новгородской книжной письменности это смешение присутствует лишь в качестве погрешности (хотя и довольно распространенной) против общей установки писца на этимологически правильное распределение $\bar{ц}$ и $\bar{ч}$ (подробнее см. § 1.13).

Смешение в парах $\bar{ь} - o$, $\bar{ь} - e$

§ 1.8. Смешение в парах $\bar{ь} - o$, $\bar{ь} - e$ составляет самую характерную особенность бытовой графической системы. В небольшой части случаев такое смешение в принципе могло бы отражать процесс прояснения сильных редуцированных (например, когда мы сталкиваемся с конкуренцией написаний *възьми* и *возьми* в грамотах XII в.). Однако в подавляющем большинстве случаев это смешение явно имеет чисто графический характер. Это видно из того, что оно затрагивает также слабые редуцированные (например, *поклоно*, *коне* вместо *поклонъ*, *конь*) и этимологические *o*,

³ Вот количественная оценка: в нашем словоуказателе знак (!), которым отмечаются явные ошибки и описки, встречается один раз на 75 словоупотреблений.

e (например, *четь, съло* вместо *что, село*); кроме того, такое смешение известно и в грамотах XIV–XV вв., когда процесс прояснения редуцированных уже давно закончился. Понятно, что в этих условиях нет возможности надежно отграничить случаи, где смешение *ъ, ь с о, е* имеет фонетическую основу, от остальных и мы должны исходить из того, что такое смешение всегда может быть чисто графическим.

Отметим, что имеются особые точки, которых данное смешение не затрагивает: 1) *о* в составе диграфа *оу* в берестяных грамотах никогда не заменяется на *ъ*; 2) в начале фонетического слова (т. е. словоформы, взятой вместе с относящимися к ней проклитиками и энклитиками) и после гласной буквы *о* не заменяется на *ъ* и *е* (*к*) не заменяется на *ь*. Эти ограничения в дальнейшем более не оговариваются; например, запись *о* → *ъ* фактически означает замену *о* на *ъ* лишь в рамках этих ограничений.

Примечание. Таким образом, буквы *ъ* и *ь* в принципе не пишутся после гласной (или *ъ, ь*). В берестяных грамотах отмечено только три отклонения от этого правила: на *йночьмо* 927 (где второй *ъ* заменяет *к* или *ѣ*) и *Паньтелъь* 561, *приими ь* 737 (где конечный *ь*, по-видимому, заменяет *и*).

В безусловном большинстве случаев, когда смешение вообще есть, оно наблюдается в обоих парах (*ъ – о* и *ь – е*) сразу. Берестяных грамот, где в одной паре представлено систематическое смешение, а в другой смешение полностью отсутствует, совсем мало. При этом, однако, в рамках отдельной грамоты между характером графического эффекта в паре *ъ – о* и в паре *ь – е* нет какой-либо устойчивой корреляции. Например, наряду с комбинацией эффектов *ъ → о, ь → е* вполне возможна также комбинация *ъ → о, е → ь* или *ъ → о, ь = е*, в разных парах может быть различна интенсивность смешения и т. п.

Вопрос об исторической эволюции графического смешения *ъ, ь с о, е* рассмотрен в Лингв., § 11–16 и Зализняк 2002, § 21–22. Приведенная в Лингв. (с. 102) сводная таблица 2 наглядно демонстрирует эту эволюцию на материале всего известного в тот момент корпуса берестяных грамот. В настоящее время материал уже богаче (особенно в ранне-др.-р. части); имеются также коррективы в чтениях, датировках и т. п. Но общий характер картины, представленной в этой таблице, не изменился. Несколько изменились лишь частности.

Так, расширение ранне-др.-р. материала показало, что смешение *ъ, ь с о, е* появилось раньше и распространялось в бытовой письменности XI–XII вв. несколько быстрее, чем позволял думать прежний материал. Известные ныне древнейшие документы с таким смешением — это надпись *мечъни[ч]ь Лазорево мѣхо* (XI, см. А 26) и берестяные грамоты № 613 (сер. XI), блок 905+908+910 (XI/XII), № 752 (XI/XII); отметим также чуть более позднюю грамоту № 644 (10-е–20-е гг. XII).

Нет необходимости приводить здесь модернизированный вариант таблицы 2 из Лингв. Приводим вместо этого диаграмму, показывающую, как изменяется во времени процент берестяных грамот со смешением *ъ с о* и/или *ь с е* (систематическим или хотя бы редким). При подсчетах использовано условное отнесение каждой грамоты к одному из отрезков (как правило 20-летних) хронологической шкалы; см. об этом НГБ X: 135–136. Блок грамот во всех подсчетах составляет одну единицу, т. е. приравнивается к отдельной грамоте. Проценты исчисляются от общего количества грамот (соответствующего периода), содержащих какой-либо показательный материал по этимологическим **ъ, *ь*. Грамоты, где вопрос о наличии или отсутствии смешения спорен (например, № 84, 603, 417, 135), из рассмотрения исключены; на итогах подсчетов это почти не отражается. Исключены также те грамоты (весьма немногочисленные), где *ь* смешивается с *ѣ* при отсутствии смешения *ь с е* и/или *ъ с о*.